

* * *

Приманивать ветер,
как будто в ладонях
он прядей волос
никогда не держал,

как будто не дёргал
он женских подолов,
как будто, кружась,
никогда не бежал
с обрывком газеты,
косынкой и шаром –
воздушным и ярким,
доставшимся даром.

Приманивать ветер весенний – ему
подолы и платья пока ни к чему,
и нет ему дела до прядей волос –
до них, как мальчишка, ещё не дорос –
несётся под небом и над тротуаром
во власти свободы, доставшейся даром.

* * *

Вниз перевёрнут Исакия купол, а значит
чашу его не наполнить дождём.
Сверху лебёдки, верёвки и сетки –
чинят, идёт реставрация. Ждём.

Словно в купели хотят искупаться
толпы, и толпы, и тьмы.
Солнца ноябрьского протуберанцы
не проступают из тьмы.

Гулкое эхо под сводами храма не исчезает и днём.
В чаше лучи на крестах, и звенит серебром
в маленькой ступке зерно предпосевной пшеницы.

В старой купели младенчески ждут человеки
самых простых утешений, и истины ждут.
Дождь собирается в грозы, озёра и реки.

Пастырь незримый повсюду – а значит, он тут,
где молодые и дряхлые, сильные телом, калеки,
и не исчислена скорость часов и минут.

Лики горят за свечами. На куполе ангел сидит.
Сквозь синеватые ветхозаветные веки
сторож церковный на купол, прищурясь, глядит.

КИТЕЖ

Китеж не ушёл под воду весь.
Погружался медленно,
но снова всплывал поплавком –
а кто с историей не знаком,
думал, что канул, утонул целиком...

Сквозь затворы вод и чешую волны
видны речных трав спутанные косы,
в теремах подводных зажигаются огни
и отражаются в звёздах, а звёзды – в росах.

Не ищут Китеж, что уж там искать:
вьются древние рыбы и бьют хвостами,
да стоит в отдалении вражья рать,
воины голодные с жадными ртами.

Ушёл Китеж под воду, утонул каравай.
Погрузил несметное своё добро.
Унёс всё, что им создано впрок,
что детям и внукам пригодиться могло.

Деревянную утварь и льняные кружева
сложил в высокие терема и сундуки.
Почивает в нём девица,
не мертва, не жива,
обронив кольцо с правой руки.

... Но всплывает Китеж – румяный каравай,
качается в волнах, дразнит вражью рать.
Сетью не даёт он себя поймать.
Не даётся ни в улов, ни под рабы замки.

ПО ДОРОГЕ В БОЛДИНО

На небе складчатые тени
изображали избы, сени,
дом с мезонином и крыльцо,
оконце в сад, а в нём – лицо.

Машина в Болдино летела,
себя не чуя под грозой.
Обрывки молний извивались,
и вился дождик заводной,
и наливался сильным ливнем,
чтоб бить о землю белым бивнем.

Так нас встречал своею солью,
которой был июньский град,
и хлебом-полем с духом вольным
обширный болдинский посад.

Там сквозь луга строфа летела,
легка и в кудри завита,
и открывались вновь врата
изящных пушкинских творений,
и колокол огромный нёс
свой крепкий звук под неба просинь.

И прямо в Болдинскую осень
себя и звук свой возносил.

В НАЧАЛЕ ЛЕТА

Ещё не коснулся июля июнь,
но май улетел с тонких веток черёмух,
и солнце – пока не душистый подсолнух,
младенчески лёгок у тополя пух.

На вкус и на цвет не распробован день,
который не кончится, ибо продлится
в забытых домах и дворах деревень
бесправных – побрезгует леший селиться.

Там лето цветёт, и весна хороша,
там осени косы вплетаются в зимы,
и в каждом скворечнике плачет душа
(скворца? человека?) о неотвратимом.

О том, как безлюдно теперь в городах –
в толпе всё трудней отыскать человека.
И горести века, и трудности века
уже не отмыть в родниковых водах.

А тут всё ж полегче: в колодец живая
по-прежнему цедится чудо-вода,
а если прольётся с небес дождевая –
то смочит беду без следа, без следа...

Здесь чище и проще. И день длинный-длинный.
Но кто ж забредёт в берендееву даль?
Пусть ищет, кто может, свой пух тополиный,
и ветки черёмух, и света скрижаль...